

СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ (1990-е годы)

Примерно с 1987 года в научных изданиях, популярных журналах и газетах начала подниматься волна публикаций о НС и их языках. Собрать все эти материалы не представляется реальным; однако общий тон их легко передать в нескольких словах. Получив, наконец, возможность публично выступать на темы, которые до той поры были закрыты, ученые, журналисты, писатели и северные активисты - все пишущие о НС в один голос заговорили об исключительно тяжелой ситуации, в которой оказались к концу века эти народы. Ситуация описывалась как "этническая катастрофа". Параллельно с экологическими, экономическими, социальными и медицинскими проблемами существенной составляющей этой катастрофы называли положение с титульными языками НС.

Об этом писали в первую очередь сами представители НС, в основном живущие в городах, занимающие определенное положение, - такие как Владимир Санги, Евдокия Гаер, Юрий Рытхэу, Еремей Айпин и многие другие. Резолюции об опасности утраты национальной культуры и родного языка принимались на многочисленных конференциях и съездах, включая Первый съезд народов Севера, прошедший в 1991 году в Москве. Об этом писали ученые (см. прежде всего: Пика, Прохоров 1988), журналисты (см. журнал "Северные просторы", все номера которого в 1988-1992 годах посвящены практически этой единственной теме). Были приняты законы, в том числе и федеральные (см.: Статус малочисленных... 1994; УакЫйп 1998; Северо-Восток 1999), целью которых было защитить НС экономически и социально, защитить их культуры и языки от гибели. Тем не менее за десять лет, как мне представляется, не изменились ни подход к этой проблеме, ни тональность высказываний о ней - да и сама проблема, видимо, только усугубилась. Две цитаты из самых последних публикаций:

¹ См. краткий обзор публикаций в (Бахтин 1993: 60-69).

"В последнее время проблемы народов Севера крайне обострились. Коренные северные народы (в современной терминологии — малочисленные народы), ведущие традиционные промыслы и сохраняющие в своем укладе некоторые черты родоплеменного строя, находятся сейчас, как и сто лет назад, на грани исчезновения как этносов" (Гаврилова 1999).

"Этнокультуры начинают вымирать с потерей языка коренного народа, его быта и культуры. <...> Народ, который теряет свой язык, перестает быть самостоятельным этносом" (Зайдфудим, Дорожинкевич 1999).

Что касается ученых - лингвистов и этнографов, то и они не остались в стороне. Публикаций о положении языков НС в конце 1980-х и в 1990-х годах достаточно много; однако проблема в том, что экономическое положение науки в России в эти годы не давало возможности проводить широкомасштабные социолингвистические исследования на Севере, поэтому ученым приходилось опираться на сведения, собранные ранее, но не опубликованные по цензурным или иным соображениям, а также на материалы отдельных кратковременных экспедиций. Это приводит к тому, что при значительном числе публикаций новых фактических данных мало и они очень неравномерно распределены по языкам. К примеру, материалов по языковой ситуации селькупского и кетского языков значительно больше, чем ульчского или негидальского.

Я постарался собрать воедино все известные мне опубликованные специалистами данные о ситуациях с языками НС, о положении этих языков сегодня. Следует иметь в виду, что во многих случаях эти специалисты опираются на собственные материалы 1980-х годов: в более поздние сроки, повторяю, полевые исследования в районах Севера, за редкими исключениями, проводились лишь эпизодически.

Последующее изложение строится *по группам языков* в зависимости от ситуации с ними. Группы выделены по следующим признакам:

1. *Степень владения языком по возрастным группам.* Выделены 4 возрастные группы: старшая (50 лет и старше), средняя (35-50 лет), младшая (20-35) и дети (младше 20). Это распределение, конечно,

² Вообще, Западная Сибирь в этом отношении описана значительно лучше, чем Восточная: данных по селькупскому, кетскому, хантыйскому, ненецкому языкам существенно больше, чем по языкам других территорий. Это объясняется не только относительной географической близостью региона к европейской части России, но и прежде всего тем, что соответствующие научные центры в Томске, Омске, Новосибирске, ведущие большую лингвистическую работу в течение последних десятилетий, уделяли основное внимание именно этому ареалу.

очень приблизительно: так, люди возраста 17-20 лет могут быть лишь условно отнесены к "детям".

2. *Степень владения языком.* Выделены две категории: активное (свободное) владение и пассивное владение (понимание).
3. *Процент людей* в той или иной возрастной группе, *владеющих* языком.
4. *Степень владения нетитульным языком* (русским, якутским и т.д.).

ГРУППА 1

Сюда входят языки, которые полностью сохраняются во всех возрастных группах. Все возрастные группы свободно владеют титульным языком, хотя в группе "дети", а также в любой другой (по индивидуальным биографическим причинам) могут присутствовать люди, не говорящие на титульном языке. При этом большинство владеет также и нетитульным языком. Из всех языков НС в эту группу попадает только ненецкий и, возможно, долганский.

НЕНЕЦКИЙ ЯЗЫК

Ситуация с ненецким языком сравнительно благополучная. По данным последних лет, типичным является устойчивое владение двумя языками - ненецким и русским, даже у молодого поколения и детей. Существует заметная часть населения (примерно 20%, в основном пожилые люди), общение с которой возможно только по-ненецки. В оленеводческих бригадах практически все население говорит по-ненецки; ненцы, живущие оседло в поселках и не занятые в оленеводстве, чаще и охотнее переходят на русский язык (Красная книга 1994: 41 - Е.А. Хелимский). В юго-западных районах расселения ненцы говорят также на коми, в юго-восточных - по-хантыйски (Языки мира 1993: 326; Казакевич 1997).

ДОЛГАНСКИЙ ЯЗЫК

Долганский язык, по-видимому, не находится в опасной зоне. Дети в большинстве продолжают осваивать язык родителей как первый (хотя и в несколько меньшей степени, чем собственно якутский); кроме того, долганский является своего рода *Ипџиа гапса* всего Таймырского региона (Красная книга 1992). Одновременно возрастает число долган, для которых родным является русский язык (Красная книга 1994: 25 - Н.М. Артемьев). По данным В.П. Кривоногова, 62,5% долган признали долганский язык родным, при этом 35% признали родным русский язык и 2,5% - оба языка. В качестве основного разговорного долганский язык использует примерно половина долган: 24,3% используют преимущественно долганский, 25,9% - долганский и русский, 49,7% - преимущественно русский и 0,1% - три языка: долганский, русский и нганасанский (Кривоногов 2000: 108).

венно русский и 0,1% - три языка: долганский, русский и нганасанский (Кривоногов 2000: 108).

Ниже приведены данные по владению долганами долганским языком и по использованию этих языков в разных коммуникативных ситуациях из статьи (Кривоногов 2000); данные приводятся с незначительными сокращениями:

Возраст (лет)	свободно	с некоторыми затруднениями	со значительными затруднениями	только понимают
70 и старше	100	-	-	-
60-69	95,2	2,4	-	2,4
50-59	96,4	2,4	-	1,2
40-49	93,2	6,0	-	-
30-39	86,0	3,5	3,0	5,5
20-29	64,5	6,6	5,6	17,3
10-19	28,0	11,8	16,5	22,9

Среда общения	долганский	русский	оба языка
С родителями	44,9	31,5	23,4
С братьями, сестрами	34,9	42,9	22,2
С друзьями	21,4	43,3	35,2
С супругами	46,4	31,5	22,1
С детьми	20,9	44,2	34,9
На производстве	23,3	33,4	43,3

ГРУППА 2

Старшая и средняя возрастные группы (целиком или ббльшая часть) владеют титульным языком более или менее свободно. Большинство младшей группы и детей, как правило, понимают и способны говорить, но пользуются языком редко. Русским языком владеет подавляющее большинство.

НГНАСАНСКИЙ ЯЗЫК

Уровень знания нганасанского языка как родного не превышает 50%, среди младших возрастных групп - не более 10-15%. Место родного языка занимает русский, у хатангских нганасан - долганский; многие авамские нганасаны понимают по-энецки (Языки мира 1993: 350). Язык используется для бытового общения старшего и отчасти среднего поколения, в сферах национальной культуры и традиционных промыслов. Его роль как языка внутрисемейного общения ограничена, так как дети, выросшие в многонациональных поселках в интернатах, не знают нганасанского; нередко старики вообще не способны общаться со своими внуками (Е.А.Хелимский, Красная книга 1994: 38-39)

В.П. Кривоногое отмечает, что конкретные социолингвистические исследования, проведенные им в 1993-1994 годах среди нганасан, не согласуются с данными переписи. Если перепись 1989 года фиксирует тенденцию "постепенного снижения показателя владения родным языком", то собственные исследования автора показывают, что в действительности имеет место *стремительный спад* этого показателя³: менее половины признали нганасанский язык родным, при этом постоянно его используют 17,6% нганасан (Кривоногое 1999: 72). Автор дает следующую таблицу распределения языков:

Язык	Число лиц (%), считающих язык	
	родным	основным разговорным
1 Нганасанский	44,1	5,8
Русский	55,6	92,0
1 Долганский	2,2	1,7
Нганасанский и русский	1,9	10,1
Нганасанский и долганский	0,2	0,5
Долганский и русский	0,0	1,7
Нганасанский, долганский и русский	0,0	1,2
Энецкий	0,1	0,0

В.П. Кривоногое делает вывод о явно наблюдаемом процессе языковой ассимиляции. О скорости и динамике процесса ассимиляции можно судить по распределению этих показателей по возрастным группам (Там же: 74):

³ Автор делает ту же ошибку, что и очень многие исследователи: число *назвавших* нганасанский язык родным принимает за число *владеющих* этим языком. Если бы автор не фиксировал данные по "основному разговорному языку", то его цифры (44,1% назвавших нганасанский язык родным) также демонстрировали бы "постепенное снижение".

Возраст	>70	60-69	50-59	40-49	30-39	20-29	10-19	<10
Число говорящих (%)								
свободно	100	100	95,6	88,2	78,3	39,2	7,6	5,2
с некоторыми затруднениями	-	-	2,2	2,9	7,0	16,5	3,1	0,7
со значительными затруднениями				5,9	6,9	17,7	15,2	5,6
Понимают, но не говорят	-	-	2,2	1,5	6,9	18,4	41,1	16,7
Не владеют	-	-	-	1,5	0,9	8,2	33,0	7

По таблицам видно, что языковая ассимиляция началась недавно и фиксируется лишь среди нынешних 20-летних, но пошла так стремительно, что "в младшей возрастной группе показатели весьма плачевны... По времени языковая ассимиляция целиком укладывается в период сселения нганасан в смешанные поселки..." (Там же: 72).

ХАНТЫЙСКИЙ ЯЗЫК

Хантыйский язык "служит средством устного общения хантыйского населения. Среди северных хантов многие представители младшего поколения русскоязычны, свой язык сохраняет только старшее поколение. Южные ханты практически обрусели" (Языки мира 1993: 302).

Уровень сохранности языка существенно различается для разных территориальных групп; так, иртышские ханты сохранили его слабо. Язык сохраняется как средство семейного общения, обслуживает культурные практики и традиционную производственную сферу. Уровень владения им у младшего поколения ниже, чем у старшего, из-за интернатского воспитания. Растет доля хантов, владеющих русским языком. Тенденция - превращение хантов в одноязычных, с русским языком как родным (Е.А. Хелимский, Красная книга 1994: 60-61).

Многие ханты, переезжая в города, теряют родной язык; в 1995 году от общей их численности городские жители составляли 38,4%. Ни один ребенок, родившийся в Ханты-Мансийске, не говорит на хантыйском. Это тем более опасно для языка, что в городах проживает в основном хантыйская интеллигенция, та самая, которая занимается вопросами возрождения родного языка (Молданова 1997: 56).

Тем не менее на многих диалектах хантыйского языка ведется преподавание в школах, издаются газеты, ведутся радиопередачи, печатается учебная литература (Лыскова 1998: 180 и ел.; ср.: Казакевич 1997).

ЧУКОТСКИЙ ЯЗЫК

Для старшего поколения характерно чукотско-русское двуязычие, для лиц моложе 40 лет - русско-чукотское. Язык используется в быту и при ведении традиционного хозяйства и лучше сохраняется в тундре, в оленеводческих бригадах (А.Н. Жукова, Красная книга 1994: 65). В Шмидтовском районе дети школьного возраста владеют чукотским языком, но пассивно, то есть, как правило, не проявляют своего знания, не пользуются чукотским языком в школе (Бурькин 1997в: 164). По моим собственным наблюдениям середины 1990-х годов, большинство чукчей старше 30 лет свободно владеют чукотским языком, включая тех городских жителей, кто много лет прожил вдали от оленеводческих бригад.

Наиболее новые данные о ситуации с чукотским языком можно найти в неопубликованной диссертации австралийского лингвиста Майкла Данна (Оипп 1999), проводившего полевые исследования на Чукотке в середине 1990-х годов. Картина, рисуемая Данном, несколько более пессимистична. Он отмечает, что все более заметное число чукчей переселяется в поселки и города, где дети не говорят по-чукотски. Это касается даже тех детей, кто приехал в город недавно и в принципе умеет говорить по-чукотски, - они не говорят на родном языке даже с родителями. Мужчин, говорящих по-чукотски, значительно меньше, чем женщин. Те, кто еще говорит, используют чукотский язык в ограниченных социальных ситуациях - например при разговоре с пожилыми одноязычными родственниками. В небольших поселках и стойбищах степень сохранности чукотского языка выше, поскольку многие дети либо воспитываются в тундре, либо проводят там достаточно много времени. Здесь больше людей, которые не говорят ни на каком языке, кроме чукотского; если в крупных поселках 30-летние обычно не владеют языком свободно, в мелких поселках и стойбищах они, как правило, являются полноценными носителями языка. Однако и в небольших поселках, по утверждению Данна, дети редко говорят по-чукотски и их знание языка в лучшем случае пассивное. Данн делает вывод, что чукотский язык находится под угрозой и, хотя носителей его еще довольно много, механизм передачи языка детям в значительной степени разрушен (Там же: 14-15).

ЭВЕНСКИЙ ЯЗЫК

Язык активно вытесняется русским; причины - приток русскоязычного населения, тенденция к укрупнению хозяйств, насильственное переселение из мест исконного обитания, сокращение преподавания языка в школе. Используется в семье и в традиционном хозяйстве (Красная книга 1994: 71 - А.А. Петров). При этом ситуация с эвенским языком раз-

личается, и иногда очень сильно, в зависимости от конкретного региона. Так, практически исчез арманский диалект эвенского языка, но при этом у березовских эвенов язык сохранился на 99% (Роббек 1998: 52).

Половина эвенов Якутии считает родным якутский язык (Аргунова 1993: 11). На Чукотке эвены владеют чукотским языком, северокамчатские эвены - корякским (Булатова и др. 1997: 16). По свидетельству А.А. Сириной, некоторые эвены в Верхнеколымском районе плохо знают русский язык или вообще его не знают; из 197 обследованных ею эвенов 61 признали родным русский и 63 - якутский язык (Сирина 1994: 269,301).

Знание родного языка различно у разных поколений. Хорошо владеют им представители старшего и в ряде мест среднего поколения, лица в возрасте 18-35 лет знают эвенский в пределах 30-60% от общего числа; среди школьников владеет языком максимум 20%. Эвенский язык используется в семье и в однопациональных коллективах, занятых традиционной производственной деятельностью (Булатова и др. 1997: 16).

Сведения о языковой ситуации у эвенов Томпонского района Якутии находим в статье А.Л. Мальчукова. Томпонский район, а также Момский, Аллаиховский и Среднеколымский районы (улусы) относятся к числу наиболее благополучных в отношении сохранности титульного языка. Решающую роль здесь играет компактность проживания и занятость в традиционной производственной сфере (оленеводстве). В поселке Тополиное (общее население 1170 человек, эвенов 65%) уровень владения эвенским языком довольно высок. Абсолютное большинство эвенов старше 35 лет активно владеют эвенским и считают его родным. В младших возрастных группах число эвенов, владеющих титульным языком, снижается: только треть учащихся начальной школы активно им владеют (данные 1990-1991 годов). Эвенский язык остается средством бытового общения в семьях и в однопациональных производственных коллективах. Большинство эвенов старшего и среднего возраста трехязычны, владеют кроме эвенского русским и якутским языками (Мальчуков 1997: 102-103).

По свидетельству А.А. Бурькина, языковая ситуация у эвенов Билибинского района Чукотки весьма благоприятная: титульный язык здесь сохраняется и функционирует. При этом эвены-олeneводы, кочующие в районе рек Омолон и Кепервеем, свободно говорят по-чукотски, часть чукчей этого района, в свою очередь, свободно говорит по-эвенски. Среди учащихся школы фиксируется устойчивый интерес к эвенскому языку (Бурькин 1997в: 175-176).

ГРУППА 3

Старшая возрастная группа говорит на титульном языке, средняя – тоже, но хуже и в меньшей степени, часто упрощает язык, младшая группа и дети титульным языком практически не пользуются. На нетитульном (обычно русском) языке говорят все.

КЕТСКИЙ ЯЗЫК

Для более чем половины кетов родным является русский язык, в общей сложности русским владеют практически все кеты. Кетский остается языком бытового общения старшего и среднего поколения. С детьми родители говорят обычно по-русски (Красная книга 1994: 31-32 – О.А. Казакевич, Е.А. Хелимский).

В 1993 году в двух селах, где проживают кеты, – Верхне-Имбатске и Келлоге – работала лингвистическая экспедиция Российского государственного гуманитарного университета (см.: Казакевич 1994). Среди других задач экспедиция исследовала языковую ситуацию в поселках и степень владения кетским языком. Для этого проводилось выборочное анкетирование, а также проверка знания языка на основе грамматических тестов. В Верхне-Имбатске подавляющее большинство взрослых владеет кетским, дети могут в лучшем случае сказать несколько слов. По-кетски говорят только со старшими родственниками, с детьми говорят, как правило, по-русски. В Келлоге ситуация аналогичная: старшее (свыше 60 лет) и среднее (30-59 лет) поколение в основном владеет кетским языком. Те, кто в детстве жил в тайге с родителями или воспитывался бабушками и дедушками, часто утверждали, что не знали русского языка до школы. Кетский остается языком бытового общения среднего и старшего поколения кетов, однако с детьми родители говорят в основном по-русски. Многие дети тем не менее способны понимать по-кетски. Интересно, что в многодетных семьях старшие дети, как правило, владеют кетским лучше, чем младшие; эта закономерность наблюдается во всех поколениях. При оценке своей способности говорить по-кетски наблюдается тенденция к некоторому ее завышению. Все кеты свободно говорят по-русски (Там же: 56-59).

Данные по языковой ситуации ниже-имбатских (сургутинских) и черноостровных (пакулихинских) кетов, собранные совместной экспедицией Института философии и права СО АН и Красноярского государственного педагогического института в 1991 году, приводятся в статье (Кривоногое 1995). Автор характеризует языковые процессы как прогрессирующую языковую ассимиляцию и приводит следующие статистические данные.

Родной и основной языки для указанных двух групп кетов (%):

Язык	Кетский	Русский	Оба языка
Родной	43,6	50,0	6,4
Основной разговорный	1,9	87,7	10,3

Степень владения русским и кетским языками (%):

Язык	Свободно владеют	Владеют с некоторыми затруднениями	Владеют со значительными трудностями	Понимают, но не говорят	Не владеют
Кетский	30,1	9,0	17,3	23,1	20,5
Русский	96,8	2,6	0,6	0,0	0,0

Разговаривают на одном или втором языке с разными группами (сумма не равна 100%, поскольку некоторые респонденты называли оба языка):

Язык	С родителями	С супругами	С детьми	На производстве
Кетский	54,5	37,9	28,1	21,6
Русский	73,4	79,3	90,6	99,0

Процент утверждающих, что свободно владеют кетским языком, напрямую зависит от возраста:

Возраст	старше 40	20-39	младше 20
Свободно владеет	81,8	27,7	3,4

Нетрудно представить себе, пишет автор, дальнейшие изменения при естественной смене поколений (Там же: 106-107).

КОРЯКСКИЙ ЯЗЫК

Является в настоящее время языком устного общения, но не только в быту: в полной мере сохраняется функция языка как средства общения в производственной сфере. Тем не менее наблюдается значительная утрата языка. Численность людей старшего поколения, знающих корякский, неуклонно падает, а число молодых людей, которые его не знают, растет (Красная книга 1994: 33 – Т.В. Сидорова). По последним данным, родным языком считают корякский около 52% корякского населения; повсеместно наблюдается корякско-русское двуязычие: чистое – у образованного населения (учителя, работники культуры) и смешанное, не вполне сформировавшееся двуязычие, то есть коммуникация на разго-

ворном уровне на русском и корякском языке, - у остальных (школьники, работники совхозов и др.) (Попов 1997).

М.И. Попов провел в 1997 году интересное обследование отношения к русскому и родному языку среди школьников двух поселков - поселка Палана, в котором корякский язык не преподается и в котором коряки составляют около 25% населения (общее население 4022 человека), и поселка Воямполка, где корякский язык преподается с первого по девятый класс и где процент коряков значительно выше (общее население 369 человек, коряков 295 человек, или около 80%).

В обоих поселках школьники практически не говорят ни на каком языке, кроме русского: только 2 из 139 детей в Палане и 3 из 36 в Воямполке указали, что дома говорят по-русски и по-корякски; остальные назвали русский в качестве единственного языка домашнего общения. Однако отношение детей к русскому и корякскому языкам в Палане (городские дети) и в Воямполке (сельские дети) существенно различается. Городские дети демонстрируют подчеркнуто положительное отношение к русскому языку и резко отрицательное - к корякскому. Корякский язык характеризуется ими как бесполезный, некрасивый и трудный для изучения, русский, напротив, как полезный, красивый, музыкальный. Сельские дети дают совершенно другую картину ответов: "полезность" русского и корякского оценивается примерно одинаково (соответственно 80 и 77% ответов), "красота" языков - также одинаково (55 и 52%). Автор справедливо видит в этом положительном отношении к титульному языку залог возможного возрождения как корякского, так и других языков коренного населения Севера (Попов 1997: 156-159). См. ниже часть 2.

НАНАЙСКИЙ ЯЗЫК

Основная часть нанайцев русскоязычны, родным язык является не более чем для 25% населения, и это, как правило, люди старше 50 лет. Основная сфера использования языка - повседневное общение людей старшего поколения. Нанайцы младше 40 лет владеют языком пассивно, дети знают его лишь в семьях, где есть старики, и в преимущественно нанайских поселках (Красная книга 1994: 7 - А.В. Столяров; Столяров 1997: 122). Языковое расслоение нанайцев на поколения, когда старшее поколение говорит преимущественно по-нанайски, среднее двуязычно, а младшее говорит в основном по-русски, отмечалось еще в 1980-е годы в работе (Гурвич, Таксами 1985: 62).

ОРОКСКИЙ ЯЗЫК

Говорящих на этом языке (при слабом знании русского языка) около 20 человек, условно двуязычных (в той или иной степени говорящих на языке) - 8 человек (все старше 40 лет), пассивное владение (понимание) обнаруживают 9 человек. Все остальные ороки русскоязычны. Язык используется только в сфере бытового общения (Красная книга 1994: 44 - Л.В. Озолина).

См. также параграф "Дополнительные данные" в разделе о переписях (стр. 72-76), где даются сведения о родном языке по возрастам.

ОРОЧСКИЙ ЯЗЫК

Старшая и средняя возрастные группы, как правило, говорят на титульном языке, младшая группа и дети, как правило, не говорят на нем (КлБпк 1991: 270). Все владеют русским языком (Красная книга 1994: 45 - А.Х. Гирфанова).

В 1992 году группа хабаровских ученых организовала поездку на пароходе по Амуру с целью изучения социальной, культурной и языковой ситуации в регионе (Ким и др. 1993). Проведенный ими опрос коренного населения Приамурья показал, что ситуация с родными языками нанайцев, орочей, негидальцев и других НС тревожная. К сожалению, в единственной известной мне публикации результатов приводятся только общие данные, без разбивки на НС. По этим данным, лишь 27% респондентов ответили, что говорят в семье на титульном языке, 73% используют в семье русский язык, при том что почти 50% населения владеет титульным языком. Приводимые данные указаны в процентах к общему числу ответивших:

	Русский язык	Титульный язык
Свободно говорю, читаю, пишу	94,0	29,3
Говорю, но не читаю и не пишу	2,5	20,0
Понимаю и могу объясняться	0,6	23,1
Практически не владею	-	2,5

СЕЛЬКУПСКИЙ ЯЗЫК

В настоящее время селькупский - исключительно язык устного общения. Для лиц старшего возраста характерно двуязычие: селькупско-хантыйское (в бассейнах рек Ваха и Васюгана), селькупско-эвенкийское (в верховьях реки Таз) и селькупско-кетское (преимущественно в бассейне реки Елогуй); среди населения Сред-

него Таза, занимающегося оленеводством, сохраняется селькупско-ненецкое двуязычие. Почти универсальный характер приняло у селькупов владение русским языком (Языки мира 1993: 357).

Уровень знания языка у молодежи значительно ниже, чем у старшего поколения, в Томской области передача языка детям практически прекратилась. Основной язык общения - русский. Среди селькупов-монолингвов владение только русским языком в 10 раз чаще, чем владение только селькупским. У северных селькупов функции языка - семейное и бытовое общение, обслуживание традиционных культурных практик, производственная сфера. У томских селькупов язык сохраняется значительно слабее (Красная книга 1994: 48 - Е.А. Хелимский).

При этом существуют кардинальные различия языковой ситуации между двумя крупными и практически полностью изолированными друг от друга группами селькупов, которые не осознают своего этнического единства - северной (тазовско-енисейской) и южной (тымско-нарымско-кетско-обской) (Казакевич 1996б: 208; Кузнецова, Болсуновская 1996: 262-263). Если у северных селькупов 77% населения признают селькупский язык родным, то у южных - лишь 11%. На юге сфера употребления селькупского языка катастрофически сужается, в семье по-селькупски говорят между собой только представители старшего поколения, молодежь языка не знает, дети учат его в школе как иностранный. На севере селькупский язык функционирует в семье и в традиционной производственной деятельности (Казакевич 1996б: 208-209).

Аналогичные сведения по тазовским (северным) селькупам, но представленные с совершенно иных позиций, находим в статье А.И. Кузнецовой, которая пишет о вымирании языка и о связанной с этим трансформации традиционной фольклорной культуры селькупов. Молодое поколение, прошедшее через интернаты, иногда совсем не знает родного языка, иногда владеет им слабо. Среднее поколение знает язык несколько лучше, но часто не способно понять идиоматику, иносказания и архаичную лексику фольклорного текста, рассказываемого стариками. Селькупский язык превратился в язык семьи (да и то далеко не во всех семьях) и подошел вплотную к последней черте: лишь 5% селькупов одноязычны по-селькупски. Интересно, что вариант селькупского языка, которому обучают сегодня детей в школе, отличается от языка старшего поколения в сторону заметной русификации фонетики, русской интер-

ференции в синтаксисе сложного предложения и большого числа русских лексических заимствований (Кузнецова 1994)⁴.

Некоторые данные по селькупскому языку Туруханского района (то есть по языку селькупов, проживающих вместе с кетами) приведены в (Казакевич 1994): по данным этой публикации, селькупы, живущие в смешанной кетско-русской среде, практически потеряли родной язык, (см. также: Казакевич 1997).

В 1996 году в нескольких селах Красноселькупского района Ямало-Ненецкого округа работала О.С. Парфенова. В поселке Ратта (основное население - селькупы и эвенки, 83%) все селькупы говорят между собой по-селькупски как в быту, так и в традиционной производственной деятельности. При общении с другими постоянными жителями, а также в нетрадиционных сферах занятости используется русский язык. В поселке Толька (основное население - русские и другие приезжие; селькупы вместе с другими НС - 31%) ситуация иная: основной язык поселка - русский, однако в селькупской части поселка (селькупы проживают здесь компактно, на одной улице) слышна селькупская речь. Молодежь, по свидетельству автора, говорит на смешанном русско-селькупском жаргоне. Наконец, в поселке Красноселькуп (подавляющее большинство населения - русские и другие приезжие, селькупы вместе с другими НС - 14%) селькупский язык практически не звучит: даже в "селькупском квартале" все говорят между собой по-русски. Единичные приезжие в поселках Ратта и Толька знают селькупский язык и неплохо говорят на нем (Парфенова 1998).

Различия в языковой ситуации между северными и южными селькупамися отмечаются и в статье Л.Т. Шаргородского. Если для южной группы характерны низкий уровень языковой компетенции, ограниченное употребление селькупского языка в речевой деятельности и низкая степень психологической предрасположенности к своему языку, то для северной, напротив, уровень языковой компетенции высок, титульный язык, наряду с русским, используется во всех сферах и средах практической деятельности и большинство населения психологически предрасположено к своему титульному языку. Автор отмечает, что у южных селькупов "процесс языковой ассимиляции практически вступает в заключительную стадию и в ближайшем будущем будет, вероятно, завершен", при этом у северных селькупов

⁴ Наиболее увлекательная часть этой статьи - сопоставительный анализ фольклорных текстов, рассказанных старыми и молодыми носителями.

"этот же процесс протекает значительно медленнее и маловероятно его ускорение в последующие годы" (Шаргородский 1995).

Причины этих различий Ю.А. Морев видит в том, что северные селькупы в свое время получили письменность, на их диалекте были изданы учебники для начальной школы и велось преподавание; у южных селькупов, напротив, не было ни письменности, ни преподавания (Морев 1993, 1995).

Такие значительные различия между двумя группами селькупов лишний раз подтверждают неадекватность любой классификации языков в условиях языкового сдвига: селькупский язык, по нашей классификации, попадает в третью группу, однако в действительности, видимо, следовало бы поместить северные селькупские говоры во вторую, а южные - в четвертую группу (ср.: Потапов 1994: 72; Кузнецова, Болсуновская 1996: 264). Скорость языковых изменений в условиях сдвига резко возрастает, разные территориальные группы развиваются по-разному, и старые классификации и списки языков стремительно устаревают (см. подробно об этом в части 2).

УЛЬЧСКИЙ ЯЗЫК

Язык сохраняется главным образом в сфере бытового общения и фольклора; из производственной и социальной сферы вытеснен русским (Красная книга - И.В. Кормушин 1994: 59).

ЭНЕЦКИЙ ЯЗЫК

Возможно, энецкий язык следует отнести к группе 4. В 1991-1993 годах В.П. Кривоногое побывал практически во всех поселках, где проживают энцы, и выяснил, что численность энцев, как она отражена в переписи 1989 года, несколько занижена из-за путаницы с официальной записью в паспорте: многие энцы записаны ненцами; по его данным, численность энцев составляет около 210 человек (Кривоногое 1998: 46-47). Более половины энцев признали родным энецкий язык, однако свободно владеют им 40,4%, а постоянно его используют 14,5% энцев. Среди стариков старше 70 лет свободно владеют энецким практически все, среди детей до 10 лет - только 6,2%. Ненецкий язык также знаком большинству энцев: владеют им свободно 25,4% энцев, с затруднениями или только понимают - 24,9% (Там же: 52; Языки мира 1993: 343).

Приводимая ниже таблица (Кривоногое 1998) дает представление об использовании разных языков в различных ситуациях в зависимо-

сти от собеседника (данные в процентах; сумма по горизонтали не равна 100%, так как многие называли более одного языка):

Среда общения, собеседник	Число энцев (%), использующих язык		
	энецкий	ненецкий	русский
С родителями	54,6	10,2	58,8
С супругами	28,9	18,9	70,0
С братьями/сестрами	30,8	5,7	86,8
С детьми	14,8	5,7	87,5
С друзьями	23,4	12,6	93,4
На производстве	17,1	9,9	92,8

Полноценными носителями языка являются буквально единицы тундровых энцев и несколько десятков человек лесных энцев. В основном это люди старшего возраста, 30-40-летние язык знают, но предпочитают пользоваться русским. Значительная часть энцев использует ненецкий, небольшие группы - нганасанский, долганский, эвенкийский. Язык используется в сфере бытового общения и почти не используется в хозяйственной деятельности (Красная книга 1994: 71-72 - Д.С. Болина, Е.А. Хелимский; Языки мира 1993: 343).

ГРУППА 4

Старшая группа говорит на титульном языке между собой и со своими детьми, средняя группа способна только понимать обращенную к ним речь, младшая и дети не говорят на титульном языке.

МАНСИЙСКИЙ ЯЗЫК

Мансийским языком владеют преимущественно представители старшего поколения, передача языка детям блокирована иноязычным окружением. Для представителей северной группы язык является средством бытового общения, обслуживает традиционные формы духовной культуры и сферу традиционных промыслов. Доля одноязычных северных манси, говорящих только по-мансийски, не более 5%. Среди восточных манси язык помнят только люди старшего поколения, но почти не пользуются им (Красная книга 1994: 35-36 - Е.А. Хелимский). Язык восточных манси, видимо, следует отнести к группе 5: из восточных манси родной язык помнят лишь люди старшего возраста, но не пользуются им, так как живут в окружении русского населения и хорошо владеют русским (Языки мира 1993: 283).

НЕГИДАЛЬСКИЙ ЯЗЫК

Свободно владеют языком только представители старшего поколения, среднее поколение понимает, но не говорит, младшее не понимает. Родным языком для младшего и отчасти среднего поколения является русский. Язык используется только пожилыми, и только в сфере бытового общения (Красная книга 1994: 40 - А.М. Певнов, М.М. Хасанова).

НИВХСКИЙ ЯЗЫК

Практически все нивхи владеют русским языком. Нивхский язык функционирует только в семье и в настоящее время вытесняется русским (Красная книга 1994: 42—43 - Е.Ю. Груздева).

В 1990 году на Сахалине работала группа ученых, в которую входили лингвисты, историки, этнографы из Японии, Голландии, США, а также сахалинские, московские и петербургские специалисты. По материалам этой экспедиции написано несколько статей; публикации по социолингвистической ситуации мне не известны, поэтому я воспользуюсь здесь двумя неопубликованными работами (с/е ОгааГ 1991; Аиз^егШг: 1993).

Тьерд деГраф отмечает изменение с середины 1980-х годов государственной политики в отношении нивхского языка: публикацию нескольких учебников и литературных переводов на этот язык, интенсификацию преподавания. Что еще важнее, он отмечает возрождение у нивхов чувства своей собственной *ШенШу*, отличной от общесоветской. Многие информанты автора, соглашаясь, что русский язык важен, тем не менее решительно высказывались за сохранение и поддержку их собственной культуры и языка. Поэтому вывод, сделанный в публикации (Высокое 1985), что нивхский язык неизбежно исчезнет к концу столетия, автор считает неверным (с/е ОгааГ 1991: 12-13).

(Тем не менее М.С. Высокое повторил этот вывод в публикации, вышедшей через 10 лет (1995: 81): "...несмотря на то, что процесс перехода сахалинских нивхов от языка своей национальности к русскому языку несколько замедлился, его дальнейшая судьба не внушает оптимизма. Вероятнее всего, нивхский язык практически уйдет из жизни уже в первой четверти XXI столетия".)

Роберт Аустерлиц, также работавший в этой экспедиции, менее оптимистичен: он отмечает, что, за исключением двух-трех пожилых нивхов, никто из нивхов не владел языком настолько, чтобы порождать полноценные тексты (сотрlele lex*з). Дети настроены по отношению к традиции и языку "центробежно", то есть ориентированы на выход из группы, переезд в другой район, учебу в вузе, приобретение специальности; женщины охотнее и чаще отходят от традиционного образа жизни.

Одна молодая женщина сообщила автору, что не верит в выживание нивхского языка, и добавила: "Какую роль может играть этот язык в будущем?" (Аиз*ег1п2 1993: 4-5).

Нивхский язык (или некоторые его территориальные варианты) следует, возможно, отнести к группе 5.

ТОФАЛАРСКИЙ ЯЗЫК

Язык вытеснен в семейную сферу и только для представителей старшего поколения: дети росли в интернатах и языка не знают. Область использования языка - домашнее общение, а также традиционные промыслы, если подбираются однонациональные бригады (Красная книга 1994: 54 - В.И. Рассадин). Отмечается, что после введения в 1989 году письменности и школьного преподавания интерес к языку стал возрастать: люди стали больше разговаривать между собой на тофаларском языке (Рассадин 1997).

УДЭГЕЙСКИЙ ЯЗЫК

Число удэгейцев, для которых родным является удэгейский, не превышает 80 человек. Язык используют, как правило, люди пожилого возраста и только в бытовом общении. Младшее и среднее поколение языком, как правило, не владеет, хотя среди них есть и такие, которые не знали русского языка до школы, но в школе удэгейский был полностью вытеснен русским. Все удэгейцы владеют русским, некоторые нанайским и ороцким, отдельные люди помнят китайский (Красная книга 1994: 57 - А.Х. Гирфанова). Многие жители, записанные как удэгейцы или нанайцы, не знают ни того ни другого языка, но понимают китайский и даже активно владели им в детстве. Обилие китаизмов в удэгейском языке бросается в глаза; при переводе безэквивалентной лексики с русского на удэгейский некоторые информанты от 60 лет и старше употребляют именно китаизмы (Гирфанова 1997: 94)⁵.

В целом по территории расселения удэгейцев картина следующая. Молодежь совершенно не знает титульного языка и часто не хочет его знать. Люди младше 40 лет титульным языком активно не владеют, хотя некоторые из них способны понимать бытовую речь. В эту группу входят и люди, владевшие языком в детстве, но впоследствии переставшие им пользоваться. Представители возрастной группы 41-50 лет, как правило, свободно владеют титульным языком, но крайне редко им поль-

⁵ Статья А.Х. Гирфановой 1997 года написана на основании обследования, проведенного по методике, которая описана в предыдущей главе. Однако это обследование проводилось в 1990-е годы, что и побудило меня поместить эти данные здесь.

зуются. Группа 40-50-летних - это как раз те, кто попал под "пресс" тотальной русификации в системе интернатов, где говорить по-удэгейски категорически запрещалось. В результате у этого поколения заметна своеобразная ностальгия по родному языку, которым они владели в детстве. Самая старшая группа (старше 60 лет) свободно владеет удэгейским и не всегда хорошо говорит по-русски. Удэгейский язык, таким образом, существует на стадии вымирающего языка; это оказывает воздействие и на самосознание удэгейцев, многие из которых, особенно дети, заявляют сегодня, что они не удэгейцы (Там же: 93-98).

ЮКАГИРСКИЙ ЯЗЫК

Ситуация различная для разных территориальных групп. Северные юкагиры переходят на якутский или русский, южные - на русский. Широко распространено многоязычие (юкагирский, эвенский, чукотский, якутский, русский). Старшее поколение владеет языком как родным и первым (северные - около 20% населения, южные - около 10%). В следующей возрастной группе юкагирский уступает место русскому или якутскому и при этом функционирует в упрощенном, "креолизированном" варианте. Северный в этом отношении более устойчив, южный меняется и упрощается, в том числе грамматически, даже в речи старшего поколения (Красная книга 1994: 75 - Е.С. Маслова).

А.А. Сирина, работавшая у верхнеколымских юкагиров в 1993 году отмечает, что якутская, эвенская, юкагирская молодежь хорошо говорит по-русски, иногда совсем не владея титульным языком. По ее данным, из 176 обследованных юкагиров 118 человек считают родным русский язык и 14 человек - якутский (Сирина 1994: 268-269).

Возможно, к группе 4 относится только северно-юкагирский язык; южно-юкагирский следует, видимо, отнести к группе 5.

ГРУППА 5

Лишь старшее поколение способно говорить на языке, очень малая часть среднего поколения способна понять упрощенную речь. Все население русскоязычно.

АЛЮТОРСКИЙ ЯЗЫК

Язык сохранился только в сфере бытового общения, хорошо его знают только представители старшего поколения. Для большинства аллюторцев родным является русский язык (Красная книга 1994: 15) - И.А. Муравьева.

ЭСКИМОССКИЙ ЯЗЫК

Свободно владеет языком не более 200 человек, все - старше 55 лет. Остальные либо владеют им пассивно, либо русскоязычны. Используется только старшим поколением как язык бытового общения. Молодежь говорит только по-русски (Красная книга 1994: 73 - Н.Б. Бахтин, уточненные данные). "Критический возраст" для языковой общины сегодня - 55-60 лет: люди младше этого возраста почти наверняка говорят по-эскимосски хуже, чем по-русски, либо не говорят на титульном языке вовсе (Булатова и др. 1997: 19).

ГРУППА 6

Группа на 100% русскоязычна, лишь редкие представители старшего поколения способны к коммуникации на родном языке.

АЛЕУТСКИЙ ЯЗЫК

Родным языком всех алеутов является русский. Около десятка пожилых алеутов-беринговцев и столько же медновцев способны говорить на одном из двух алеутских языков (Булатова и др. 1997: 20). Некоторые алеуты 45-50 лет способны понимать обращенную к ним алеутскую речь, знают отдельные фразы, однако во всех случаях предпочитают пользоваться русским языком, на котором свободно говорит все алеутское население. Алеутский язык используется для общения от случая к случаю только представителями самого старшего поколения (Красная книга 1994: 14 - Е.В. Головкин).

ИТЕЛЬМЕНСКИЙ ЯЗЫК

Число носителей языка падает постоянно и неотвратимо. Сейчас эта цифра не превышает нескольких десятков человек. Ительменский язык не воспроизводится уже свыше 50 лет. Процесс утраты языка зашел настолько далеко, что к 1980-м годам был вытеснен из семьи. Семью, в которой дед и бабка могут говорить по-ительменски, а старшие дети способны их понимать, можно считать относительно благополучной в лингвистическом отношении. Но подобных семей очень мало (Красная книга 1994: 28-29 - А.П. Володин). Возможно, ительменский язык следует отнести к группе 5.

КЕРЕКСКИЙ ЯЗЫК

В 1991 году говоривших по-керекски было всего трое. Все трое трехязычны: помимо керекского они владеют еще чукотским и русским языками, причем чукотским - значительно лучше (Красная книга 1994: 30 - А.П. Володин).

ЭВЕНКИЙСКИЙ ЯЗЫК

Эвенкийский язык приходится отнести к "особым случаям", поскольку степень его сохранности и распространения в значительной мере зависит от региона. Группа эвенков слишком широко расселена по Северу, чтобы можно было говорить о какой-то единой языковой ситуации. Эвенкийский язык состоит примерно из 50 местных говоров, объединенных в 14 диалектов. Из 30 тысяч эвенков, проживающих на территории Российской Федерации, 12% приходится на Эвенкийский автономный округ, 42,5% - на Якутию, 13% - на Хабаровский край, около 33% - на Иркутскую, Амурскую, Читинскую, Сахалинскую и Томскую области (Булатова и др. 1997: 15). Процент владеющих титульным языком также различается по регионам. Так, в Амурской области и Хабаровском крае процент эвенков, говорящих на родном языке, высокий; в Эвенкии - примерно 50% говорящих по-эвенки, в Якутии и Бурятии - 12-15%. Повсеместно наблюдается двуязычие (второй или первый - русский), кое-где трехязычие (якутский или бурятский) (Красная книга 1994: 69 - Н.Я.Булатова). При этом положение эвенкийского языка в Бурятии более устойчиво, чем в Якутии: если в Якутии многие эвенки первым языком считают якутский, вторым - русский, а титульный язык забыли, то в Бурятии в большинстве случаев сохраняется трехязычие, в котором эвенкийский язык остается языком семейного общения. В других районах в молодых семьях эвенков преобладает русский язык, титульный язык не сохраняется даже в качестве семейного (Бурыкин 1997: 48-50).

В целом, по мнению специалистов, тенденция к утрате языка остается; язык устойчиво сохраняется лишь в районах компактного проживания и там, где эвенки заняты традиционной хозяйственной деятельностью. Язык используется в основном представителями старшего и среднего поколения в быту и в традиционной деятельности (Красная книга 1994: 69-70 - Н.Я. Булатова).

Но и область - слишком крупная территория для оценки положения с языком. Так, в 1992 году А.Н. Мыреева проводила исследования ситуации с эвенкийским языком в Якутии. По ее данным, в трех районах - Алданском, Олекминском и Нерюнгринском - родным языком свободно владеет около 600 человек (16% эвенков этих территорий). Остальные говорят по-якутски или по-русски. Из числа опрошенных (возрастная группа от 30 до 50 лет) в Алданском районе 50% совсем не владеет эвенкийским языком, 20% понимает речь на этом языке, 30% знает отдельные слова. Большинство из них имеет смешанные семьи и дома говорит

по-якутски. При этом в Анабарском, Булунском, Жиганском, Оленекском и Усть-Майском районах все эвенкийское население полностью утратило родной язык. Объяснение этого катастрофического вытеснения эвенкийского языка якутским и русским автор ищет в демографической ситуации, в частности в преобладании смешанных браков (Мыреева 1993:72-73).

Данные по эвенкийскому языку северных районов Бурятии находим в статье (Мангатаева 1997: 75-76). На вопрос: "В какой мере вы владеете родным языком?" - респонденты ответили следующее: "совершенно свободно" - 49,1%, "довольно свободно" - 5,2%, "говорю с некоторыми трудностями" - 19,3%, "с большим трудом" - 21,1%, и "вообще не владею" - 12,3%. При этом большая часть ответов "владею совершенно свободно" приходится на старшую возрастную группу. Для среднего и младшего поколения ситуация иная: совершенно свободно владеет эвенкийским 29,8%, говорит с некоторыми трудностями 23,4%, с большим трудом - 29,7% и не владеет 14,9%. Язык редко используется в быту, в школе на нем говорят только на уроках эвенкийского.

Отмечается, что эвенкийская молодежь часто пользуется "смешанным языком", мешая русские слова с эвенкийскими (Бурыкин 1997: 50).

* * *

Естественно, что подобное распределение языков по группам достаточно субъективно, как и любое другое. Выделенные здесь группы в значительной части не совпадают с группами, выделенными в работе (Клѣпк 1991)⁶. А.Е. Кибрик пишет о пяти группах: группа 1 - языки практически не существуют (единичные носители), группа 2 - языки "смертельно больны", группа 3 - языки "серьезно больны", группа 4 - языки "хронически больны", группа 5 - потенциально находящиеся под угрозой. В последнюю группу не попал ни один из языков НС. Языки

⁶ Достоинством и одновременно недостатком этой статьи является то, что автор опирался при сборе материалов по языкам НС на мнения специалистов-лингвистов, которых он подробно интервьюировал, а не на мнение самих носителей языка. С одной стороны, это дало автору возможность в короткий срок получить большой объем информации, но, с другой стороны, мнения специалистов относительно такой сложной и эмоционально нагруженной проблемы, как языковая смерть, следует доверять с большими оговорками, особенно в переломные годы: на момент написания статьи (1990 год) общественная атмосфера побуждала многих специалистов подчеркивать негативные стороны языковых ситуаций.

#1

ЕВРОПЕЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Н. Б. Бахтин

ЯЗЫКИ НАРОДОВ СЕВЕРА
В XX ВЕКЕ
ОЧЕРКИ ЯЗЫКОВОГО СДВИГА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2001